

дарственной церкви, представителями этой церкви расценивалось как движение противогосударственное.

Поэтому иерархи церкви в полемике с расколом стремились доказать, что все церковные установления теснейшим образом связаны с царской властью. Протестуя против раскольничьих представлений о демократической церкви и как бы перекликаясь с приведенными выше суждениями Аввакума, Афанасий Холмогорский писал: «И понеже церковь святая не в кутках устроена и вера православная ... не в кустах утверждается и не от малоумных людей, и чины церкви и благопреданный обычай не в лесу и щелях содержатся и действуемы суть».⁹⁹ Но все это, по Афанасию, делается «при царского величества державе и при пастырстве российского архиерейства».¹⁰⁰

Князья русской церкви усматривали опасность движения раскола прежде всего в том, что оно прививало народу в этот период стремление к «самовольной» переоценке существующих общественных и церковных порядков. По этому поводу Афанасий Холмогорский писал так: «Самозаконнии же, и своеобычнии, и самовольнии человецы ... зле творят ... всякая злая вещь от самозаконных злых человек быша и бывают ... Всем убо есть разумно сие, яко кто паде в кий либо грех — самозаконный. Кто брань воздвиге — самозаконный. Кто смущение и в людех крамолу сотвори — самозаконный и своевольный ... И кто святую церковь презирает и ей не покоряется — все самозаконный».¹⁰¹ В этой характеристике раскола, как видим, тесно переплетаются и объединяются мотивы социально-политического и церковного «своеволия». Такую же опасность антицерковных действий раскольников, осуществляемых ими «по своей воле», отмечал Игнатий Тобольский; они, по его словам, ругают церковь «в бесновании своем и по своей воли, якоже кому похотелось есть, тако святую православную христианскую веру и ругают, и по своей воли, что хотят, все творят злое».¹⁰² «Кто суть ругатели, — вопрошал Игнатий, — и по своей воли, кроме церковного предания ходящи, аще не они ... и кто суть ложнии учителя, сиречь сами ся поставиша во учителя, не имуще нещие мало причетническаго достоинства...?».¹⁰³

Сильвестр Медведев оставил в своих воспоминаниях живые картины того, как на практике в 1682 г. проявлялось такое «своеволие». «Раскольники, — писал он, — такое дерзновение взяли, невежды ничтоже знающие и грамоте не умеющие, по улицам и по площадям в царствующем граде Москве, яко некакие проповедники ходяще, людей простых учили: чтобы люди в церковь святую не ходили, всякия святыни от церквей и молитв от священников не принимали, будто вся церковь осквернена».¹⁰⁴

По словам Афанасия Холмогорского, раскольники «рекоша: несть веры в российской церкви».¹⁰⁵ В 1682 г., сразу же по воцарении Иоанна и Петра, как писал Афанасий, произошла новая вспышка движения раскола: «... паки ненаказанныи ... злии раскольницы возбеснеша. Паки ис кустов и от ветров их же собра сатана на непорочную церковь».¹⁰⁶ Раскольники вновь «глаголаша и писаша: не ходи в церковь, не кланяйся иконам, не

⁹⁹ Там же, л. 72 об.

¹⁰⁰ Там же, л. 73.

¹⁰¹ Там же, л. 3—3 об.

¹⁰² Игнатий Тобольский, стр. 33.

¹⁰³ Там же, стр. 31.

¹⁰⁴ [И. Сахаров]. Записки русских людей. СПб., 1841, Записки Сильвестра Медведева (далее: С. Медведев), стр. 18.

¹⁰⁵ Увет духовный, л. 65 об.

¹⁰⁶ Там же, л. 54.